

О штампе и режиссерских ремарках

Эта статья по первому взгляду может показаться несколько запоздалой. Следует признаться, что о первой постановке театра—пьесе В. Соловьева «Чужой» мы не выступили преднамеренно.

23 сентября театр выступил с бесспорным произведением, комедией «Много шума из ничего» Шекспира. Сравнительно работу коллектива театра под влиянием драматурго критиков-подлинных по своим художественным качествам (речь не идет о содержании) проанализировав, следует сделать некоторые замечания о достоинствах и недостатках игры артистов.

В нынешнем сезоне коллектив театра пополнился новыми, способными артистами. Уже по первым двум постановкам, наряду с известными артистами Вячеславом А. В. Загорским, Г. К. Гумилевским, А. И. Ивановым, Г. М. Ябло-Давыдовским, можно отметить хорошую игру совершенно талантливых артистов В. М. Иреческого, П. И. Мурского, А. Г. Коссова и других.

Однако неважные способности большинства артистов не могли спасти театр от трафарета и шаблона в пьесе «Чужой». Мы не собираемся утверждать, что в штампованной трактовке образов «Чужого» повинен театр. Наоборот, театр, по нашему, сделал все, или почти все, от нас зависящее. Речь идет о том, насколько каждый артист умеет преодолевать, слаживая, если так можно выразиться, притязания, прежде приспичивавшуюся в нашей драматургии.

Совершенно ясно, что без поэзии, подлинного художественного искусства не может быть подлинной драматургии. Никакая внешне-подлинная пьеса, ориентировавшая зрителя только на важность темы, а не расширявшаяся в художественных образах подлинными живыми явлениями, не может претендовать на полноценное художественное произведение. Такая пьеса без психологических обоснований образов, с механически построенными интригами является неубедительными и не вынуждает зрителя к необходимым, глубоким мыслям.

Именно по такому шаблону, без глубокого знания жизни, под знаком случайного

Начало сезона в театре имени А. Н. Островского

сти написана пьеса В. Соловьева «Чужой». В пьесе действуют не живые люди со всеми их настоящими чувствами, а прежде всего должностные лица разных профессий и положений.

С начала до конца Григорий Гарусов, его сестра Галина, брат Михаил остаются верными кругу интересов, связанных только со своей работой. Кажется, заставь бы по минуте инженера Гарусова просто молодым человеком, старшим сыном в семье, и ему не о чем будет говорить.

Мы не собираемся делать полного разбора пьесы «Чужой». Об этом достаточно много и авторитетно писали в центральной прессе. Нет сомнения, что тема пьесы исключительно актуальна, она учит зрителя действительности, поощряет к врагам.

Общественная важность пьесы была бы в стократ большей, если бы она в равной степени была высокохудожественной. Именно поэтому мы и считаем, что пьеса «Чужой» со всеми ее случайностями в разрешении конфликтов (выступил Николай Гарусов, подслушанный разговор Самой, незаметные двери кабинета главного инженера при разговоре Шеншинова с Гарусовым и т. д.) явилась большим творческим знакомом для коллектива театра на умение дополнять автора, в посредственных и механических интригах героев находить главное, хотя бы относительно близко к подлинной повести.

Разбирая первые работы театра с этой точки зрения — умения преодолевать штампы («Чужой») и не умилять поэзией («Много шума из ничего»), прежде всего, следует говорить об игре артиста В. М. Иреческого.

Иреческий в роли Григория Гарусова («Чужой») и в роли Бенедикта («Много шума из ничего») заметно выделяется среди всех артистов своей живью, правдивой и умной игрой. В роли инженера Гарусова Иреческий правильно расширял образ ограниченного в познании специалиста в начале и решительно меняющего свои взгляды после диспер-

сионного акта, особенно приближая Гарусова к образу подлинного молодого и ветского инженера, способного думать не только о заводе, но через него о партии, о родине, о семье, в спехах разговора с секретарем паркома, у постели брата.

Вамечательно передает Иреческий психологические переживания человека и в минуты отчаяния и в минуты радости. Здесь артистом используются все возможности — помимо глубокого воплощения чужого характера и все доступные приемы внешнего поведения.

Умение воплощать в себе чужой характер еще лучше передает Иреческий в роли Бенедикта. Если в пьесе «Чужой» артисту передано предположительно действия по режиссерским указаниям в разрез с определенным автором, в замечательной инспирированной комедии Иреческого дана широчайшая возможность раскрыть свой подлинный талант и эту возможность артист использует. Все действия Бенедикта-Иреческий проводит в непрерывной правдивой игре. Если отдельные артисты местами скатываются до резонерства, измученной пародности, Иреческий в комедии «Много шума из ничего» — живой, постоянный человек во всех своих поступках и помыслах.

Мы еще раз повторим, что чрезвычайно трудно судить об игре артистов по пьесе «Чужой». Но тем не менее особенно следует сказать о тех артистах, которые не играют в комедии Шекспира. Из них большое внимание заслуживают артисты Д. М. Вайштейн, Н. К. Венделин, М. Я. Ябло-Давыдовская. Все они своей хоральной игрой сумели поднять выше трафаретных образов, зарисованных автором.

Д. М. Вайштейн в роли лютого пратагривиста «чужого» Николая Гарусова, местами правильно расширяет образ. Особенно следует отметить диалог Н. Гарусова в разрез при встрече с Зоей Викторовой. Эту сцену Я. М. Вайштейн провел убедительнее и сильнее других. В остальных Д. М. Вайштейн, как и другие артисты, мало чем отличается от образа героя — «механика», вычерченного автором. Но и при этом Я. М. Вайштейн своим — разговор о Гази-

ной, с Михаилом провел все же относительно убедительно, в меру возможностей режиссерских прав, дополнил автора пьесы.

Мелко доходчива игра Н. К. Венделин, местами напрасно упрощенной манеры и accents раздражающей до мига жесткой интонации. Однако покотерые сцены, проведенные Венделин (разговор в конце пьесы с Григорием Гарусовым), заслуживают достойной похвалы. Здесь воплощение артистки в образ хитрой и коварной, злой и дальновидной интрижки передано очень правдиво.

У ищет в пьесе необходимого размаха для своего безусловного таланта артистка М. Я. Ябло-Давыдовская. Однако небольшие, почти эпизодические сцены М. Я. Ябло-Давыдовской в роли Марии Никитичны — матери большого семейства — проводят подлинно мастерски. В ее игре чувствуется настоящий человек, с большими чувствами и сердцем.

Во всем удачно на наш взгляд представлен и роль секретаря паркома талантливый артист А. В. Загорский. Всегда исключительно правдиво исполнявший в прошлом большинство ролей, А. В. Загорский в данном случае не подходит по своим специфическим наклонностям артиста к роли секретаря паркома Шейна. Он находит ищет и обращении с другими, не истинный такт, где это требуется, в силу чего роль Шейна ступенчатая, не выделается среди других, что ни в коем случае не должно быть по замыслу и ходу пьесы.

Из остальных образов пьесы «Чужой» следует отметить Захара Иппатовича Гарусова и исполнителя артиста А. К. Гроздина (Маргарита) и Н. В. Ябло-Давыдовской (Гера).

До сих пор не было речи об артисте Г. К. Гумилевском. В пьесе «Чужой» он исполнил роль Михаила Гарусова, в комедии «Много шума из ничего» — лейтенанта. Обычно принято было считать Гумилевского комиком. Следует сказать, что это утверждение остается в силе и по сейчас. Несмотря на справедливую была игра артиста в первой пьесе, настолько она правдива во второй. Здесь даже не требуется особых комментариев, ибо это видел пьесу «Чужой» и комедия «Много шума из ничего» в постановке нашего театра, тот без особых трудностей сможет отгадать трафарет и подлинное мастерство в игре Г. К. Гумилевском. Подлинный талант Гумилевского в исполнении Гумилевского — человекотребный образ уродливой буржуазного общества является иронический смех зрителя именно потому, что артист сумел передать во всех деталях пустоту сознания, дающую право,

человека, рожденного и воспитанного миром жли и лицемерия.

Безусловно, о первых двух работах театра можно сказать гораздо больше, чем это сделано мы в настоящей статье. Однако речь в данном случае идет не столько о полном разборе всех деталей игры артистов, сколько о режиссерских ремарках в продолжении штампа отдельных произведений. Преодолевать трафарет и шаблоны дождем не только режиссер, но и артисты. Ремарки постановщика и артистов в продолжении произведений, прежде всего «Чужой», необходимы как воздух. Нельзя допускать, чтобы постановщик и артисты относились к пьесе, что превращается театру. Театр должен быть строгим и справедливым критиком драматурга. С этой задачей, как мы видели на примере пьесы «Чужой», коллектив театра и режиссер П. Г. Гнедич полностью не справились.

Репетиции поправляемого толкования образом, как это ни странно, сваяны были и в постановке инспирированной комедии. Допустим до зрителя всю красоту, всю полноту творчества Шекспира, как и других подлинно-народных произведений, — долг каждого театра. Однако наряду с безусловным шагом вперед, по сравнению с пьесой «Чужой», в комедии «Много шума из ничего» игра артиста В. В. Викторовой в роли Дон Педро, одного из главных действующих лиц, не может удовлетворить зрителя.

Викторова играет верно, местами с народной народностью, с истеричностью «проникнутой трагиком». Делаям подлинный тон, искусственная выпячка (как было и в «Чужой»), под Викторова играл (исполнял) — все это портит впечатление зрителя, главного зрителя Арагонского мужественного и милосердного, ясного и правдивого, без напускной важности и кружка. Игра В. В. Викторовой наряду с другими артистами можно противопоставить игру Д. М. Вендина, на этот раз пьесы удаче разработавшего образ.

Театральный сезон только начался. Железным коллективом театра, его режиссером П. Г. Гнедичем и М. Я. Ябло-Давыдовским плодотворной творческой работы, достойной нашей замечательной родине, где в искусстве ценится все правдивое и реалистическое, отвергается фальшь и штампы.